

вольно медом и дарил». В I редакции сказано просто: «Половцы упилися бяху». Эти и другие, подобные им детали, были средством привлечь внимание читателей, возбудить их интерес к рассказу.

Вполне возможно, что введение беллетристических эпизодов было обусловлено представлением Татищева о том, каким должен быть исторический труд. По его мнению, «как всякое строение требует украшения, так всякое сказание красноречия».³²

Интересно, что черты занимательности и литературности присущи не только «Истории Российской» Татищева, но и другим историческим сочинениям XVIII в. М. В. Николаева, автор статьи «К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века» пишет, что многие современники Татищева — С. Медведев, Ф. Прокопович, П. Крекшин — «сознательно стремились вести историческое повествование украшенным литературным слогом... Исторические произведения в большинстве своем читались не с узко познавательными или научными целями; они удовлетворяли и собственно литературные интересы и потребности».³³ Думается, что и в «Истории Российской» должен быть отмечен элемент литературности, появившийся под влиянием общей тенденции к беллетризации исторического повествования.

Обратившись к анализу дополнений II редакции по сравнению с I, мы обнаруживаем, что те фрагменты I редакции, которые отсутствуют в летописях, известных нам, полностью соответствуют установленной системе, т. е. работа Татищева над II редакцией может рассматриваться как аналог работы над I редакцией, так как уже и в I редакции ясно прослеживается каждая из тенденций, отмеченных нами: введение дидактических рассуждений, пояснений и беллетристических моментов.

В описании Татищевым событий XII в. сказался своеобразный подход к ним историка Петровского времени, при котором, как упоминалось, отбирались факты «пристойные» для истории, ибо считалось, польза истории состоит в том, что она «учит о добре прилежать, а зла остерегаться».³⁴ Поэтому неудивительно, что все в изложении Татищева предстает с выгодной стороны: и князья, и подданные, и их взаимоотношения. Таким образом, те фрагменты рассказа II редакции, которые повествуют об идеальных князьях и идеальных отношениях, представляют собой развитие в том же идейном направлении и углубление подобных фрагментов I редакции, таких, например, как рассказ о благородстве князя Игоря, наградившего Лавра именем (в летописи отсутствует). Сходным образом строится повествование у Татищева и в I редакции «Истории». Эпизод о спасении переяславцами князя Владимира Глебовича в T₁ приобретает новые черты по сравнению с летописями, в отличие от которых здесь говорится, что горожане не только отняли от половцев своего раненого князя, но они также посадили его на коня и так увезли в город: «И едва смятоша половец и доидоша князя вельми уже истомленна, бе бо трой копиями ранен и взявше его на конь и вовезоша во град» (Ср. Е: «... тогда прочие видеше князя своего крепко биющася, выринуша из города и тако отъяша князя своего язвенна суща тремя копиями, соже Володимир доблии язвен и труден въеха в город свой». Радзи-

³² Предъызвещенье о истории общественной и собственно о русской. — В кн.: ИР, т. I, стр. 83.

³³ М. В. Николаева. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII в. — Уч. зап. Лен. пед. инст. им. Герцена, т. ССXLV, Л., 1963, стр. 151—152.

³⁴ ИР, т. I, стр. 80.